

Сады одесские прославил

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

А.С. Пушкин

Одним из самых замечательных деяний юной Одессы, как и в целом всего нашего южного края, по праву можно назвать озеленение улиц, разведение садов, парков и бульваров. Это тем более кажется поразительным, если вспомнить, что местность, на которой суждено было появиться Одессе в конце восемнадцатого века, практически являлась голой и однообразной степью, лишенной деревьев и кустов. Не случайно в воспоминаниях первого поколения одесситов неизменно фигурировала груша, как единственное дерево, посаженное возле татарской кофейни, недалеко от Хаджибейского замка.

Закономерно, что в первые годы существования одесского порта среди привозимых сюда из-за границы товаров значились: капуста свежая, греческие орехи, виноград, сливы, огурцы, персики, арбузы, тыквы, яблоки свежие, лук и т. п. Но вот что характерно, в перечне импортируемых товаров неизменно фигурировали также и саженцы лесных и садовых деревьев. Это свидетельствует о попытках озеленения города и окрестностей уже с первых дней его существования. Впрочем, в этом деле наблюдалось немало трудностей и осложнений. Отмечая это, именитый купец и общественный деятель А.С. Стурдза в своей речи, читанной в публичном заседании Императорского общества сельского хозяйства Южной России 25 апреля 1835 года, говорил: "Мы ничего не наследовали в этой юной стране от своих предков, кроме затоптанной кочевьями

степной земли, и на ней все должны создать, готова тень, и плод, и воду, и приют для потомства".

Первым парком Одессы по праву считают Городской сад. Его посадили сразу же после возникновения города, и принадлежал он Иосифу Михайловичу Дерибасу. После его отъезда в 1797 году сад перешел к брату адмирала, майору Феликсу Дерибасу. В делах Одесского строительного комитета сохранился один любопытный документ, датированный 28 ноября 1806 года. Это письмо, написанное Феликсом Дерибасом на имя одесского градоначальника герцога Ришелье, где, между прочим, говорилось: "Известно, что Ваше Сиятельство всегда желаете, при доставлении живущим в Одессе существенных выгод, доставить и удовольствия. Я, будучи, с прочими, обязанным Вашему Сиятельству и в знак того моего чувствования, приемлю смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство принять от меня без заплаты, навсегда, в пользу города, сад мой, который, при двухэтажном моем доме, состоит на Греческом форштате".

Однако сад приобрел общественное значение для одесситов только после 1809 года, когда там высадили целые плантации деревьев, среди которых, как это станет традиционным для Одессы, преобладали белая акация и гледичия. В 1818 г. здесь было открыто первое в Российской империи заведение искусственных минеральных вод. Здесь же располагалась и городская кофейня. Сад занимал около четырех десятин, но простран-

Окрестности Карантинной балки.

во это было частично сужено еще в первые годы существования города. Характерно, что местные власти в середине XIX в. планировали выстроить на месте кофейни помещение для городского музея и публичной библиотеки. А для собственно кофейни выстроил великолепное помещение соседствующий с садом владелец купец Вагнер, переделав его из бывшего здесь небольшого театра князя Гагарина.

Нельзя сказать, что в первые два десятилетия Одессы озеленению уделяли мало внимания, но семена и саженцы ввозились сюда главным образом из Испании, Греции и Италии, а это создавало весьма определенные трудности. Кроме Городского сада, подавляющая часть немногочисленных городских деревьев, сумевших выстоять в сложных для них условиях, находилась на частных дачах, где за ними ухаживали либо люди, имевшие навык в садоводстве, либо специально нанятые профессионалы-садовники. Среди этих садов выделялись дачи Спорити и герцога Ришелье в так называемой Водяной Балке. Кстати, дача герцога была подарена городу в 1826 году бывшим адъютантом Ришелье полковником Стемпковским, получив название у одесситов Дюковский сад. Из уважения к памяти герцога Стемпковский передал дачу с тем условием, чтобы она в частные руки не переходила, но была использована исключительно для полезного городу заведения.

Вообще, следует подчеркнуть, что с приездом в Одессу Ришелье начался качественно новый этап в озеленении всего Южного края. Герцог великолепно понимал всю важность и необходимость лесных и фруктовых деревьев для нетронутых целинных земель, где коррозия почвы, суховеи и пылевые бури имели бы естественную преграду. При этом градоначальник Одессы и Новороссийский генерал-губернатор лично подавал пример своим согражданам в заботе и ухаживании за растениями. Так, например, гуляя однажды по улицам Одессы, он увидел возле одного из домов засыхающее дерево, посаженное его же усилиями. Постучав в дверь дома, Ришелье обратился к хозяину со следующими словами: "Полейте, сделайте одолжение, ваши деревья; а если вам некогда, то позвольте мне, я сам полью их!".

Сохранилось немало воспоминаний о любопытных эпизодах, связанных с именем герцога, когда приезжавшие в Одессу люди могли с удивлением наблюдать неподдельный восторг Ришелье, с гордым торжеством демонстрировавшего гостям какие-нибудь овощи или фрукты, выращенные на местной почве. Это тем более казалось странным для тех, кто не ведал, сколь огромных усилий требовалось для того, чтобы разбудить к

жизни спавшую многовековым сном дикости землю и привести ее в цивилизованное состояние. И это было только началом.

Само собой, столь ничтожное число насаждений не могло спасти город ни от постоянно поднимаемой ветрами пыли, ни от песка, бывших настоящим бичом для горожан. Благо, понимание необходимости создания хорошо продуманной и действенной системы озеленения как города с предместьями, так и всего края в целом, привело к отказу делать ставку на ввоз саженцев и семян из-за границы. В одном из правительственных документов от 9 января 1813 года читаем:

"Они получались доселе, по большей части, из чужих краев, с большими издержками, и часто выписываемые семена не всходили или деревья не принимались, от обмана продавцов, или от порчи во время дальнего перевоза".

Поэтому событием огромной важности явилось решение о создании одесского Ботанического сада в 1818 году. Под сад было отведено 87 десятин земли, и главным его предназначением было выращивание всевозможных пород фруктовых и лесных деревьев для посадки на частной и городской земле. Уже осенью следующего года там было высажено 120 тысяч саженцев, привезенных из Крыма и Молдавии. Истинным научным руководителем работ стал профессор ботаники при Одесском строительном комитете Карл Десмет (Charles Descemet). Небезызвестный Европе того времени французский ботаник сумел найти наиболее благоприятные формы и методы для прививания десятков различных видов деревьев и кустов. По составленному им каталогу со всех концов земли шли в Одессу семена растений, которые смогли бы произрастать на нашей почве. И результат не заставил себя ждать.

Собственно основание Императорского ботанического сада в Одессе, без тени сомнений, можно причислить к одному из наиболее выдающихся явлений в европейской садово-парковой культуре. Дело в том, что традиционно сады в Новороссийском крае, как, впрочем, и везде, разводились над реками, прудами, в глубоких балках, близких к родникам, и т. п. В Одессе же Ботанический сад возник практически в голой степи, не имевшей не только водоемов, но и мало-мальски пригодных колодцев.

Величие дела Карла Десмета покажется еще более ярким, если вспомнить, что перед переездом в Одессу французский ученый имел, как это мы увидим из его статьи, весьма смутное представление относительно климата и почвы Северного Причерноморья.

Во время боевых действий 1814 г. во Франции Десмет потерял все

Казенный сад.

свои роскошные сады под Парижем. Между тем провидению было угодно, чтобы отчаявшийся ботаник, стоявший на грани самоубийства, близко познакомился с командующим русским оккупационным корпусом М.С. Воронцовым и премьер-министром Франции герцогом Ришелье. Последний после заключения мира убедил Десмета переехать в Одессу, снабдив его соответствующими рекомендациями на имя Новороссийского генерал-губернатора А.Ф. Ланжерона. Александр Федорович принял соотечественника радушно и, как уже отмечалось, дал Десмету должность профессора ботаники при Одесском строительном комитете, с весьма высоким окладом.

Задача, стоявшая перед Десметом, была, казалось бы, невыполнимая. Но в речи перед своими согражданами в 1830 г., не скрывая первоначальных трудностей, он не без гордости отмечал плоды своих трудов за десятилетний срок: "Призванный в 1818 году для основания Ботанического Сада в Одессе, я с радостью спешил поверить свои сведения под южным небом, где надеялся усвоить, под 47° северной широты, на открытом воздухе, те роды драгоценных деревьев, которые возвращаются с большими заботами в теплицах Северной Европы, и умножить разведение этих деревьев, по мере приносимой ими пользы; но все надежды мои исчезли, когда я узнал, что изменения атмосферы, суровость более или менее продолжительных зим, чрезвычайные жары лета, сухость почвы, недостаток в воде и ис-

сушающие ветры, которые господствуют здесь большую часть года, полагают препоны моим предположениям. Я принужден был прежде изучать, какие растения наиболее свойственны здешней почве и способны противостоят столь изменчивому климату. Не трудно было узнать породы деревьев и кустарников, разводимых на здешних хуторах, и убедиться, что одесские жители не делали никаких изысканий по этому предмету. Число деревьев и кустарников, найденных мною в Одессе и ее окрестностях, не превышало 122, а именно: 65 родов и видов деревьев и 57 кустарников. Теперь я размножил число их до 650 пород и видов; следственно, доставил краю более 500 новых пород деревьев и кустарников".

Всего лишь через три года после появления Ботанического сада, в августе 1822 г., Карл Десмет уже поместил объявление на русском и французском языках в одесской газете "Messager de la Russie Méridional", в котором предлагал пользоваться молодыми растениями или прививками из учрежденного сада всем хозяевам и любителям садоводства в крае.

О том, что проблема с саженцами была довольно быстро и успешно решена, свидетельствует следующий факт. В 1827 году было принято решение об обязательной посадке на каждой десяatine городской земли, отводимой для поселения или под дачу, не менее 100 деревьев или 400 кустов винограда, и трудностей с приобретением саженцев не было.

Десмет являлся директором Ботанического сада до 1833 г., а с 1834 по 1848 год эту должность занимал не менее талантливый ботаник профессор Нордман. Однако последнему с самого начала очень не повезло, ибо он заступил на должность в момент небывалой для Северного Причерноморья засухи 1833-1834 гг., когда частично или полностью погибли сотни садов и лесных плантаций. А потому ни к прежнему блеску, ни к прежнему масштабу, несмотря на все усилия Нордмана, Ботанический сад более не возвращался. Впрочем, в этом уже и не было необходимости, так как казенные и частные сады и питомники к середине века набрали достаточно сил, чтобы обеспечивать себя самостоятельно.

Характерно, что профессор Нордман великолепно понял основные нужды в деле развития озеленения не только Одессы, но и всего Южного края — собственные квалифицированные кадры. С этой целью на месте Ботанического сада было основано "Училище садоводства", на земле которого к середине девятнадцатого века насчитывалось: 29 800 плодовых деревьев, 1 090 400 лесных, 3 110 плодовых кустарников и 48 590 неплодовых, не считая цветочных и оранжерейных растений. Причем, именно при главном училище садоводства было положено начало Ботаническому

парку, специализировавшемуся на флоре Северного Причерноморья. А семена, луковицы и корни различных растений из парка регулярно высылались в Париж, Берлин, Петербург и др. города.

Отметим также такой любопытный факт, что к середине девятнадцатого столетия одесское Главное училище садоводства выпустило 40 учеников, из которых 32 получили образование на казенный счет. При этом постигнув полный курс обучения в Одессе, все ученики обязаны были пройти завершающий практический курс в Крыму, в основанном еще в 1811 г. герцогом Ришелье Императорском Никитском саду.

Как это часто бывает, основание Ботанического сада в 1819 г. стало примером для подражания среди частных лиц. Так, к этому периоду относятся появление хуторов Аргузина, Шмита, Гельцля. А на морских каменисто-глиняных обрывах за Карантинной гаванью (в современной топонимике эту территорию можно определить — между пляжем Ланжерон и Отрадой) возникли дачи князя Кантакузена, графа Ланжерона, Маразли, Рено и Лицейский хутор. О том, сколь быстро местность была приведена в цветущее состояние, говорит уже то, что в 1828 г. на даче Рено отдыхала императорская семья. Но к этому мы еще вернемся.

С назначением на пост Новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова в 1823 г., озеленение Одессы и ее окрестностей стало одним из важнейших направлений в хозяйственной жизни города. Так, например, покупка земли на территории Одесского градоначальства без обязательств новыми владельцами высадить определенное количество деревьев или кустов винограда вообще была запрещена. Но подлинным поворотным моментом было учреждение в 1828 году Императорского общества сельского хозяйства Южной России, председателем которого стал, собственно, Воронцов, а секретарем — А.И. Левшин.

Само появление этого научного общества, первого в провинциальной России, было вызвано довольно курьезными обстоятельствами. Дело в том, что когда императорская семья прибыла в Одессу, а царь Николай I вместе с Воронцовым отправился под Варну на театр боевых действий войны с Турцией, императрица Александра Федоровна со свитой осталась гостить на даче Рено. Здесь она стала свидетельницей налета саранчи, после которого с императрицей приключилась истерика и обморок. Вернувшись в Одессу, царь, узнав обстоятельства дела, что называется из первых уст, тут же подписал указ об учреждении Общества, о необходимости создания которого ему постоянно твердил Воронцов.

С первых же дней существования Императорское общество сельского хозяйства Южной России, сыгравшее колоссальную роль в планировании и развитии аграрного хозяйства всего Южного края в целом, приобрело подлинно демократичный характер. Собрав в своих рядах местных владельцев и ученых-агрономов, Общество уже в первом уставе, утвержденном 14 сентября 1828 г., составило правила для раздачи наград за успехи в садоводстве и лесоводстве. Справедливо полагая, что "невозможно смешивать помещиков, издерживающих свои избытки на разведение садов, с простыми земледельцами, трудами рук снискивающими пропитание", но имевшими довольно ума и твердой воли, чтобы совершить столь трудный и столь полезный для края и для них самих подвиг как разведение сада или лесной плантации, "для первых нужны награды почетные, последние имеют нужду в наградах, могущих поправить их состояние".

Для землевладельцев всех сословий Общество положило в качестве постоянной меры для поощрения 10 000 руб. асс., сумма, заметим, довольно внушительная по тем временам. Вместе с тем, награды для различных регионов края распределялись не в равной степени. Так, для южного берега Крыма, где виноградарство получило уже значительное развитие, за посадку лоз награды не назначались, ограничились пятью премиями за разведение масличных деревьев и пятью — за успешную посадку каштанов, шелковичных и миндальных деревьев. Напротив, в степных частях края было учреждено четырнадцать премий за разведение винограда, а остальные назначены за разведение фруктовых и лесных деревьев, кроме ив и верб.

Характерно, что одну из первых почетных наград получил одесский купец Иван Рубо, который на своей даче, имевшей 103 десятины земли, посадил 250 000 виноградных кустов. Кроме того, по свидетельству одесского градоначальника и представителей Общества сельского хозяйства в лице графа Витта, Зонтага, Логинова, Демоя и др., Рубо завел виноградный питомник, где высадил 120 000 черенков различных французских сортов. На этой же даче было посажено до 10 000 фруктовых деревьев, большую часть которых составляли разные породы вишни, груши, абрикосов и яблонь, преимущественно лучших французских сортов. Вместе с тем здесь же была заведена плантация диких деревьев — дуба, ясеня, вяза, смоковницы, акации и др., число которых простиралось до 79 000 штук. Наконец, вокруг дачи была устроена живая изгородь, и посажено почти 60 000 тополей, волошских орешин и т. п. За все это Рубо был награжден по высочайшему указу золотой медалью на Анненской ленте, для ношения на шее.

Для того чтобы понять, насколько нелегко было разведение подобных огромных садов в Северном Причерноморье, достаточно напомнить, что все пространство Новороссийского края занимало 21 млн. десятин, тогда как леса занимали менее 700 тыс., т. е. около 1/40 всей его площади. В Одессе же и ее окрестностях эта пропорция была еще более разительна, так как все выращиваемое здесь могло появиться только за счет огромных усилий и самоотверженного труда. Даже содержание небольшого садика требовало неутомимого попечения, а засуха одного года могла свести на нет заботы и издержки многих предшествующих лет. Ярким тому примером может служить разведение лесной плантации на Пересыпи, появление которой через годы Аполлон Александрович Скальковский, "летописец Новороссийского края", с полным основанием назовет лучшим в своем роде гражданским подвигом.

Разведение лесной плантации на Пересыпи велось по инициативе и под руководством Алексея Ираклиевича Левшина, ставшего с 1831 г. одесским градоначальником. Собственно Пересыпь образовалась к тому моменту в результате обмеления Куяльницкого и Хаджибейского лиманов, занимая пространство на 9 верст в длину и от 3 до 6 верст в ширину (1 верста = 1,0668 км). Располагаясь у подошвы возвышенности, на которой стоит Одесса, Пересыпь, по свидетельству современников, представляла собой настоящую ливийскую пустыню. Раскаленный в летнее время года песок, в котором увязали проходившие со стороны Херсонской заставы обозы, превращал преодоление этого, казалось бы, короткого расстояния в непосредственной близости от города в тяжелую пытку для всех, и людей, и животных, проходивших через эту местность. Но самое страшное для города происходило при частом северном ветре, когда тучи едкой пыли со стороны Пересыпи буквально поглощали улицы и дома Одессы.

Чтобы устранить столь неприятное соседство, осенью 1831 г. Левшин решил высадить на Пересыпи лесную плантацию. Одесский градоначальник преследовал двоякую цель. Во-первых, укрепить корнями растений песок, а во-вторых, оживить зеленью это малопригодное для жизни пространство, на котором находилось лишь несколько небольших рыбацких поселков. Первоначально высадили опытные участки. Акация, столь хорошо зарекомендовавшая себя в городе, к сожалению, не принялась. Зато вербы, тополи и некоторые другие деревья прижились удачнее. Но лучше всех на песках прижилась так называемая красная лоза (*salix arenaria purpurea*), которую для пробы высадили на уча-

стке из трех десятин. К несчастью, страшная засуха 1833 года, о которой уже упоминалось, свела на нет гигантский труд, и все саженцы погибли.

Осенью того же года Алексей Ираклиевич Левшин решил возобновить посадку леса. И на этот раз удачно. Всего было посажено 197 тыс. деревьев на площади в 60 десятин. Весной 1834 г. посадку продолжили, и к апрелю ее площадь уже охватывала 130 десятин самого глубокого песка. К этому моменту здесь уже произрастало 583 000 штук деревьев, из которых большая часть относилась к разным сортам верб, а также тополи, тamarиск, красная лоза и др. В 1837 г. император Николай Павлович, приехав в Одессу, самолично осматривал уже вполне окрепшую лесную плантацию на Пересыпи и, используя терминологию того времени, наградил местное начальство изъявлением Высочайшего благоволения. В свою очередь столичное Общество для поощрения лесного хозяйства назначило А.И. Левшину большую золотую медаль.

Характерно, что Михаил Семенович Воронцов, никогда не останавливавшийся на полумерах, а потому стремившийся всегда и во всем к возможному совершенству, очень высоко оценил проделанный труд по разведению деревьев в Одессе, ставя его в качестве примера для всего края. Так, например, в одном из документов 1837 г. Воронцов писал: "По части лесоводства, столь нужного в здешних местах, начальство сделало все, что могло; но способы были весьма малы, и результаты еще не таковы, как бы желать можно. У помещиков сделаны некоторые шаги по мере сил и способов хозяев; но как весьма малое только число зажиточнейших из них живут на месте, то и многого ожидать от них невозможно. То, что мы могли сделать по части лесоводства, есть следующее: а) на Одесской городской земле, чрез расширение и умножение в большом виде казенного заведения, под именем Ботанического сада, уже теперь готово на пересадку и беспрестанно всеми покупается несколько миллионов лучших родов лесных деревьев; б) плантация на Пересыпи (в Одессе), долго почитавшаяся невозможной, трудами и терпением здешнего Градоначальника (А.И. Левшина), получила совершенно неожиданный успех ...".

Михаил Семенович отнюдь не случайно приводил подобные примеры в качестве достойных подражания. Если на песках возможно было развести огромную лесную плантацию, то на другой почве, невзирая на трудности, создание садов и парков было тем более возможно. Действительно, в одной из газет того времени читаем относительно рощи доктора Генно, о которой никто не ведал: "...как вдруг Одесса, всегда вздыхавшая о лесах,

увидела на противоположном берегу своей бухты, на возвышенности между Пересыпью и станцией Дофиновкой, целую кайму леса".

Вообще к середине позапрошлого века в Одессе насчитывалось 611 частных садов, как собственно в городе, так и на городской земле за городом. Лучшими из них почитались: английского генерального консула Джеймса, занимавшего всего 1 дес. земли, но поражавшего всех истинно английской ухоженностью и роскошью растительности; Архиерейский сад, основанный еще в конце XVIII в. митрополитом Гавриилом, а затем некоторое время принадлежавший графу Потоцкому; сад Нарышкина и др. Естественно, что наибольшее количество садов находилось в приморской зоне, где выделялись дачи Папудова, Маразли, Фонтана, Вагнера, Масса, Мавро и многие другие. Впрочем, уже к этому времени проявилась тенденция к дроблению крупных дачных участков, а следовательно, и садов на более мелкие. Такова, например, была участь уже упомянутой ранее знаменитой дачи Рено, разделенной на множество мелких частных дач, но достаточно долго сохранявшейся в топонимике Одессы как собирательное название. Кстати, дача Ланжерона, например, аналогично, оставила за собой усеченное собирательное название "Ланжерон" до наших дней.

Из многочисленных дач и хуторов в предместьях Одессы выделялись своей обширностью и правильной планировкой дача Люизвиль-Десмета на Куяльнцком лимане, Джеймса Кортаца, на которой находились большие прекрасно рассортированные оранжереи, помимо 120 000 кустов винограда и огромных плантаций самых разнородных деревьев. Но самым любопытным, пожалуй, можно было бы признать хутор графа Разумовского на Молдаванке. Граф издержал на свой хутор сотни тысяч рублей и отличался тем, что беспрестанно строил там здания, которые тотчас же и разрушал, садил деревья, пересаживал их, рыл каналы, устраивал подземелья, водоемы и т. п. Впрочем, как утверждал знавший его А.А. Скальковский, все это граф делал не столько из прихоти или самодурства, сколько из намерения помогать ближним — "Более 2 000 душ этого предместья питались от его щедрот: многим он выстроил дома, основал усадьбы и хутора".

Не менее любопытно было происхождение хутора, принадлежавшего капитану 1-го ранга Зонтагу. Родившись в США, Зонтаг перешел на русскую службу и долгое время командовал яхтой "Утеха", плавая по Черному морю. Уйдя в отставку, он решил назвать в честь любимого судна и хутор свой Утехою.

Нельзя не отметить также и тот факт, что Одесса, помимо казенных и частных садов, имела такую редкую по тем временам форму собственности как Городские общественные сады. Во всяком случае, в Новороссийском крае это был единственный город, который имел подобные сады. Всего в рассматриваемое время в Одессе их насчитывалось четыре: 1. Опытный хутор Общества сельского хозяйства Южной России, переданный на особых условиях почетному гражданину Иснару, который, в свою очередь, обязан был отпускать саженцы деревьев для общественных нужд бесплатно. 2. Сад при доме сирот Женского благотворительного общества, являвшийся одним из прелестнейших уголков Одессы, под который город передал Обществу 26 десятин земли. 3. Сад института Благородных девиц, расположенного на Молдаванке, предназначался, прежде всего, для прогулок воспитанниц, а потому и имел форму внутреннего парка. 4. Лицейский хутор, принадлежавший одесскому Ришельевскому лицезу. Он занимал около 26 десятин земли и был расположен на берегу моря, в трех верстах от собственно здания лицея. Эта дача служила для отдыха лицеистов и преподавателей в теплое время года, но вместе с тем имела прекрасную теплицу и хорошие питомники деревьев.

Даже довольно беглого и поверхностного взгляда на проблему озеленения, которая столь остро стояла перед одесситами первых поколений, достаточно для того, чтобы понять, почему такой неподдельной любовью пользуются у жителей города Приморский бульвар и Александровский проспект, Городской сад и сквер Пале-Ройаль. Простая мысль, что самая изысканная архитектура зданий и дворцов полумертва вне сочетания с подлинной живой архитектурой цветов, деревьев, кустов, никогда не была отвлеченной абстракцией для коренных одесситов. Это генетическая память, ибо досталось Одессе ее нынешнее зеленое богатство через тяжелый труд и воистину героические усилия тех, кто готовил тень, и плод, и воду, и приют для потомства.